

Бородино в исторической памяти немцев

Весной 1805 г., накануне смерти, Фридрих Шиллер начинает работу над трагедией из русской жизни «Деметриус», действие которой происходит в начале XVII в. в годы Смуты и борьбы с иноземным нашествием. Пройдет семь лет, и многие немцы сами станут участниками великой трагедии, разыгравшейся в пределах России — вторжении и гибели Великой армии Наполеона. Одни немцы окажутся в армии вторжения, другие, хотя их будет и немного, — на стороне русских войск. Вечером накануне великой битвы под Бородином 32-летний старший врач 3-го вюртембергского конно-егерского полка «герцога Людвига» Генрих Роос, с напряженной надеждой думая о завтрашнем дне, вспомнит слова Шиллера:

Грозно пылает вечерний закат. Что там за лесом сверкает? Вы видите ль веянье вражьих знамен? Мы видим, как веют знамена, Как блещет оружие врагов¹.

Не мог не вспоминать Шиллера и 47-летний генерал-лейтенант Иоганн Адольф Тильман, решивший со своей бригадой саксонских кирасир исход боя у деревни Семеновское и у батареи Раевского. Помимо того, что его отличала высокая образованность и любовь к немецкой поэзии, он был близким другом Христиана Готфрида Кернера, семейство которого находилось в тесной дружбе с Шиллером, немало гостившим у них. В 1813 г. сын Кернера, 24-летний Карл Теодор, талантливый поэт, последователь Шиллера, вступит в добровольческий корпус Лютцова и погибнет, горько оплакиваемый всей немецкой молодежью. Сам Тильман, получив за Бородино титул барона и командорский крест ордена Почетного легиона, пережив трагедию отступления, сдаст в 1813 г. город Торгау русским войскам и в их составе будет сражаться с Наполеоном. Но и те немцы, благородная горстка которых уже в 1812 г. окажется в составе русской армии, бросив вызов судьбе, своим государям, а то и своему народу (у К. Клау зевица, например, в составе Великой армии воевали два брата), тоже

думали и чувствовали по-немецки, и тоже обращались к строкам Шиллера (жена Клаузевица Мария в письмах к мужу нередко цитировала стихи великого поэта).

К пруссакам, баварцам, вюртембержцам, саксонцам, гессенцам и ко всем другим немцам все более настойчиво приходила идея о национальном единстве, общности их культуры, языка и политических интересов. Идея эта рождалась в условиях циничной борьбы, которую вела Французская империя, наследник революции, за поглощение немецких территорий, используя немцев в качестве пушечного мяса. Но не меньшую боязнь у многих вызывала и Российская империя, оплот феодализма и крепостничества, также не упускавшая возможности округлить зону своих интересов за счет стран Центральной Европы. В этих условиях немецкий романтизм, из которого постепенно возникал дух нации, дал толчок поразительно разным явлениям немецкой истории XIX и XX вв. Точкой отсчета этой истории по праву могут считаться не только поля Лейпцига, но и поля Бородина.

Важной особенностью «конденсации» исторической памяти немцев о Бородине был изначальный взгляд на это событие сразу с трех точек зрения: тех, кто воевал в составе Великой армии; тех, кто накануне добровольно перешел в русскую армию, оставив, чаще всего, прусскую службу (Клаузевиц, Вольцоген и др.), и тех, кто, будучи по языку и во многом по культуре немцем, родился в Российской империи, был с рождения российским подданным и изначально служил в русской армии (К. Ф. Толь, В. Левенштерн и др.). Это и предопределило тесное переплетение немецкой историографии Бородина с русской и, отчасти, французской историографией.

Первые попытки осмыслить то, что произошло 5—7 сентября на поле Бородинской битвы, ее участники-немцы попытались сделать уже вскоре после сражения. «Мы проиграли сражение, но в меру. Наши силы ежедневно пополняются, а неприятельские нет», — написал 30 сентября

жене Клаузевиц, перешедший накануне войны 1812 г. на русскую службу и состоявший в день Бородинской битвы в должности обер-квартирмейстера 1-го кав. корпусаⁱⁱ. Примерно тогда же, в сентябре месяце, генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии полковник К. Ф. Толь составляет первый вариант «Описания битвы при селе Бородине», ставшего не только основой отчета М. И. Кутузова Александру I, но и отправной точкой для последующего развития темы Бородинской битвы для многих немецких авторов, как, например, для Т. Бернгардиⁱⁱⁱ.

Составляли рапорты о сражении и немцы, боровшиеся на сто роне Наполеона, и тоже интуитивно пытавшиеся оценить место и роль своих братьев по языку и культуре в этом гигантском побоище^{iv}. Бережно и методически занесли в дневники свои впечатления о потрясшем их до глубины души сражении многие немцы, а баварец А. Адам, художник, числившийся при штабе Е. Богарне, и лейтенант вюртембергской артиллерии К. Г. фон Фабер дю Фор, увидевший поле через несколько дней после битвы, сделали поразительные по своей правдивости зарисовки. Последовавшие за Бородином события — пожар Москвы, страшное отступление, борьба за свободу в 1813-1815 гг., потеснили на несколько лет воспоминания немцев о Бородине. Исключение составили те, кто оказался в русском плену — они чаще возвращались в мыслях к сражению, скрупулезно «сортируя» и сберегая свои переживания, как, например, граф фон К. А. В. Ведель.

Со второй половины 10-х гг. стали публиковаться первые немецкие воспоминания о русском походе, в которых повествовалось и о Бородинском сражении^v. В те же годы вышло 4-томное сочинение К. Х. Г. Вентурини, историка религии из Брауншвейга, который попытался описать Бородинское сражение на основе пока еще скудной документальной базы, разбавляя крупными доверенными фактами своей буйной фантазией^{vi}.

В 20-е годы хлынул настоящий поток мемуаров, мемуарно-биографической литературы и работ, основанных на

воспоминаниях^{vii}. Для истории участия немцев в Бородинском сражении весьма интересными оказались работа Э. Фельдерндорфа и Варадайна, показавших участие баварских частей, главным образом на северном фланге сражения, и биография генерала А. Л. Охса, командовавшего 24-й дивизией 8-го армейского корпуса, боровшейся в Утицком лесу, но особенно работа бывшего в 1812г. капитаном Генерального штаба Саксонской армии К. Церрини о действиях саксонской кавалерии у дер. Семеновское и у «большого редута»^{viii}. Из материалов Церрини неопровержимо следовал вывод, оспаривавший широко распространенное (через публикацию бюллетеней армии Наполеона) в те годы мнение, что героями взятия центрального укрепления русских позиций — батареи Раевского — были не французские кирасиры во главе с О. Коленкурром, но саксонские латники Тильмана. В целом же, где бы работы ни были опубликованы, — в Мюнхене, Каселе, Дрездене или Веймаре — все они были проникнуты пафосом героизма, проявленном немецкими солдатами из чувства долга. Отчетливо слышалась и другая нота: горечь за пролитую кровь ради интересов французского императора и надежда на обретение немецкого единства.

В конце 20-х — начале 30-х гг. к ряду опубликованных свидетельств и работ по Бородину добавились две серии замечательных рисунков А. Адама и Фабер дю Фора^{ix}. Рисунки Адама, видевшего битву (правда, чаще всего, из вторых линий, а то и из обоза), еще несли на себе некоторый отпечаток того ощущения героической романтики, которое возникает у стороннего наблюдателя сражения, но зарисовки Фабер дю Фора, прибывшего на поле через 10 дней после битвы, были посвящены, в основном, изображению полуобнаженных трупов и человеческих страданий, и смогли запечатлеть, таким образом, иную для немецких войск сторону сражения.

В 30-е годы немцы неизменно сохраняли интерес к эпопее 1812г. и Бородинскому сражению, публикуя не только многочисленные

воспоминания^x, но и собственно исторические работы, написанные участниками похода^{xi}. Особое место среди них, конечно же, занимала книга великого военного теоретика Карла фон Клаузевица (1780—1831), вышедшая в 7 томе его посмертных сочинений^{xii}. Основной текст работы был набросан через 3—4 года после событий 1812 г., но, судя по ссылкам на книги Шамбрэ (второе издание работы Шамбрэ, на которой, в отличие от первого, была указана фамилия автора, вышло в 1825 г.) и Бутурлина (французское издание вышло в 1824 г.), она была доработана им значительно позже. В описании и анализе Клаузевицем Бородина нашли отражение не только военно-теоретические поиски автора, но и противоречивые политические и духовные германские реалии 10-х — начала 30-х гг. XIX в.

В годы подъема борьбы с Наполеоном, казалось бы, исчезали грани между традициями профессиональных армий германских государств (во многом еще сохранившихся, несмотря на реформы наполеоновских ставленников, а в Пруссии — несмотря на реформы Г. Ф. Шарнгорста) и народом, охваченным экзальтацией проснувшихся национальных чувств. «В одном общем хоре сливались звуки военных оркестров и пение борцов за свободу»^{xiii}. Сам патриотизм приобрел какую-то ожесточенность. Многие немцы «не столько думали о родине, которую необходимо освободить, сколько о враге, которому нужно отомстить за все унижения»^{xiv}. В этом хоре патриотических призывов довольно ясно звучал голос Фридриха Людвиг Яна, лидера движения «гимнастических союзов», которому приписывают возрождение воспоминаний о средневековом рейхе как о воплощении национальных чаяний немцев, воспоминаний, соединенных с сильной долей франкофобства. Этим настроениям поддался даже Э. М. Арндт, который, подобно Г. Ф. К. Штейну, Эрнсту Морицу и Клаузевицу, был в 1812г. на стороне русских. Мало-помалу германским королям при поддержке русского царизма удалось обуздать этот экзальтированный и романтический патриотизм. Теперь генерал В. Вольцоген, преподававший

военное искусство прусскому принцу Вильгельму, участник Бородинского сражения со стороны русских (он был флигель-адъютантом Александра I и состоял при штабе Барклая де Толли), пытается внушить будущему германскому императору Вильгельму мысль о мистической роли прусского короля в разгроме Наполеона и в возрождении германского духа. Романтизм сделался опорой консерваторов, а прусская армия превратилась в орудие защиты монархии от любых посягательств со стороны либеральных сил. На этом фоне картина Бородина, написанная Клаузевицем, выглядит как попытка решить двуединую задачу: остаться на почве точного реалистического военного знания и одновременно попытаться постичь внутренний дух борющихся армий.

По мнению Клаузевица, Наполеон изначально хотел окончить войну с Россией в течение одной кампании и поэтому генеральному сражению отводил решающее значение. Однако, допустив ряд ошибок, Наполеон позволил русским отступить до Москвы. При этом силы обеих армий в силу «высокомерного легкомыслия» Наполеона ко времени генерального сражения приблизились к точке равновесия — 120 тыс. у русских и 130 тыс. у французов^{xv}. Характер действий французской и русской армий на Бородинском поле, по мнению Клаузевица, был вполне объяснимым и единственно возможным. Местность обусловила то, что расположение русских «получило форму выгнутой дуги, а наступление французов, следовательно, получило охватывающую форму, и огонь французского фронта действовал концентрически». Следовательно, при имевшемся соотношении сил результат мог быть только один — медленное опускание «чаши весов к не выгоде русских»^{xvi}. Стратегический обход русской армии Наполеоном, полагал автор, был вряд ли возможен, а попытка тактического обхода, осуществленная корпусом Понятовского, натолкнулась на стремление Тучкова осуществить то же движение, и была таким образом парирована; хотя все же позже полякам при поддержке Жюно удалось оттеснить русских, возбудив у последних серьезную тревогу за участь

левого фланга и за путь отступления всей армии. В целом же, отмечает Клаузевиц, простота замысла Наполеона в сражении «доказывает, что он высоко расценивал ожидаемое сопротивление», но «простая форма, естественно, является... в то же время и менее решительной». Французы, имея превосходство как в численности, так и в тактике, хотя и заставили русскую армию отступить, но не смогла разгромить ее (по мнению Клаузевица, русская армия потеряла около 30 тыс., в том числе несколько тысяч пленными, и от 20 до 30 орудий). Французы потеряли около 20 тыс. человек^{xvii}. Однако к концу дня Старая Московская дорога почти целиком оказалась в руках французов, а левый фланг русских откинулся назад и вытянулся параллельно линии отступления. Следующим «этапом поражения русских» явился бы полный их разгром. И все же Наполеон не сделал последнего усилия. Император, видя как быстро таяли его силы, но осознавая, сколь «его предприятие в целом было огромным», решил не рисковать, видя что и с таким результатом он займет Москву^{xviii}.

Таким образом, сухой расчет, сделанный Клаузевицем, казалось бы не оставлял возможности ни для одной из боровшихся сторон надеяться на какой-либо иной результат. А так как Бородино было единственным крупным сражением, участником и очевидцем которого был Клаузевиц, то в своем главном труде «О войне» (часть «Бой») он идеализировал «сражение на истощение», умаляя роль и значение маневра^{xix}.

7 сентября Клаузевиц, будучи обер-квартирмейстером корпуса Уварова, участвовал в знаменитом рейде русской конницы на левый фланг французской армии. Наблюдая, сколь малое значение придавал этому рейду Кутузов и сколь малую роль рейд сыграл реально, Клаузевиц пришел к странному на первый взгляд выводам, которые, казалось бы, совершенно противоречили складу его рационалистического и строгого ума. Чрезвычайно низко оценив роль Кутузова в сражении, который, по его мнению, был не чем иным, как «абстрактным авторитетом», Клаузевиц тем не менее превозносил его «хитрость и рассудительность», утверждая, что

тот расценивал Бородинское сражение «как неизбежное зло» и не надеялся на более благоприятный, чем произошло в действительности, его исход. Не только искусный маневр и на тиск, но суровая решимость бороться, не обращая внимания на потери, соединенная с религиозным чувством, — вот что оказывалось главным в генеральном сражении^{xx}. Опыт, почерпнутый Клаузевицем при Бородине, прусское руководство использовало на рубеже 20—30-х гг. XIX в. для разработки планов борьбы Священного союза с Францией, в которой назревала, а затем произошла в 1830 г. июльская революция. (В последний год жизни Клаузевиц был начальником штаба прусской обсервационной армии, предназначенной для вторжения во Францию; его помощником, находившимся во главе разведывательного отделения, был Генрих Брандт, участвовавший в Бородинском сражении на стороне Наполеона в составе дивизии Клапареда.) Эти планы легли в основу некоторых проектов Г. К. Мольтке, начальника прусского генштаба, разбившего в 1870—1871 гг. Францию. Позже немецкая военная мысль еще не раз обращалась к наследию Клаузевица — во время подготовки и к первой и ко второй мировым войнам. Его пытались сделать «своим» и деятели гогенцоллерновской Германии^{xxi}, и 3-го рейха^{xxii}, и социалистической ГДР^{xxiii}, и капиталистической ФРГ^{xxiv}. Но самое удивительное в том, что книга Клаузевица о Бородине оказало мощное воздействие и на историческую память русских. Л. Н. Толстой, работая над великим романом «Война и мир», будучи хорошо знаком с работой Клаузевица и с работой Бернгарди (о которой речь пойдет ниже), целиком воспринял мысль о «духе войска», противопоставив великую мудрость бездеятельного Кутузова бесполезной суетливости далекого от постижения народного духа Наполеона. В 1840-е гг. поток немецкой литературы о войне 1812 года и о Бородине не только не иссякнул, но даже увеличился. В воспоминаниях, основанных на дневниках Ф. В. Лоссберга и Флека (первый был подполковником, второй — рядовым 8-го армейского корпуса), освещались героические действия вестфальской пехоты в бою за

Семеновские укрепления и в Утицком лесу^{xxv}. В. А. Бур-керсрода, бывший младшим лейтенантом саксонской кавалерии в корпусе Латур-Мобура, а 7 сентября — ординарцем Мюрата, поведал о самоотверженных атаках бригады Тильмана при Бородине^{xxvi}. Специальные работы Бородинскому сражению и русской кампании посвятили два немецких генерала, участники сражения— Г. Гоффман и Ф. В. Бисмарк^{xxvii}. Последний был майором и принял после ранения полковника К. Норманна 2-й вюртембергский шволежерский полк. Позже он станет не только генерал-лейтенантом, но и известным военным писателем. В 1845 г. вышла биография Фабер дю Фора, написанная Ф. Кауслером^{xxviii}. Сами же рисунки Фабер дю Фора, очевидца сражения, продолжали пользоваться неизменной популярностью среди немецкой публики и не раз переиздавались. Стоит ли говорить, что все немецкие авторы в издававшихся воспоминаниях и специальных работах уделяли основное внимание решающей роли в сражении германских воинских контингентов, упрекая французов в неблагодарной забывчивости и пустом бахвальстве.

Продолжались публикации и тех немцев, которые сражались на стороне русских. Герцог Евгений Вюртембергский, в 1812г. генерал-майор и командир 4-й пех. дивизии, поделился ценными воспоминаниями о действиях своих войск возле Курганной высоты^{xxix}.

Тема 1812 года и Бородина не ограничивалась только кругом специальной литературы. Многие немцы обращались к памяти 1812 г., связывая это с широкой идейно-политической борьбой, которая развернулась в Германии в преддверии революции 1848— 1849 гг. При этом нередко «злободневность» темы не всегда подкреплялась широким привлечением уже имевшихся в те годы материалов. Так, известный писатель Фридрих Штегер (1811-?), поставивший перед собою цель показать, как космополитическая идея объединения Европы столкнулась в 1812г. с пробуждавшимся духом наций, не смог убедительно осветить участие немцев в русском походе^{xxx}. Основными источниками для него

стали мемуары Сегюра, работы Гурго и Шамбрэ. По мнению автора, в 1812 г. Наполеон действовал неразумно и, влекомый роком революционного космополитизма, не смог остановиться в Витебске или Смоленске. К Бородинскому сражению он располагал только 120 тыс. солдат, основу которых составляли французские части. Русские же имели 102 тыс. солдат без ополченцев, но зато располагали большим числом орудий (600 против 587)^{xxxii}. Бегло осветив ход сражения и не вполне показав участие в нем немцев, Штегер сделал вывод о формальной победе Наполеона, цена которой (примерно 30 тыс. убитыми и ранеными) имела, однако, для Великой армии тяжелые моральные последствия^{xxxiii}, став одной из причин краха всего русского похода. «Жертвы, принесенные немецкими сыновьями чуждому государю в 1812 г. должны стать последними!» — восклицал автор^{xxxiiii}.

С либерально-просветительских позиций обратился к теме Бородина Фридрих Кристоф Шлоссер (1776—1861), начавший в середине 40-х годов издавать свою многотомную «Всемирную историю»^{xxxiv}. Он отдавал долг событиям 1812 г. в деле борьбы немецкого народа против «военного деспотизма» Наполеона. Опираясь, в основном, на работу Шамбрэ и книгу прусского генерала Гофмана, опубликованную в 1846 г., он отметил противоречивость результатов сражения: русские были вынуждены отойти, положив 40—45 тыс. человек, потеряв совсем «мало пушек и вовсе мало пленных» и отступив в порядке. Французские потери оказались меньшими (по его мнению — 30 тыс., в отличие от того, что «бюллетени и дюжинные французские строчилы... бессовестно врут» о 10 тыс. убитых и раненых), так как Наполеон «действовал самыми тяжелыми орудиями, и притом русских водили в бой огромными массами»^{xxxv}. Крах похода в Россию, в чем Бородинское сражение сыграло достойную роль, способствовал «отпадению» Пруссии. Убежденный противник народной революции и даже франкофоб, Шлоссер, тем не менее, выступал за либеральный вариант единой монархической Германии. Его творения были весьма популярными

среди буржуазного и мелкобуржуазного читателя, который черпал в них основные сведения о событиях русского похода. Труд Шлоссера демонстрировал то, что цифры и выводы, сделанные в специальной немецкой военно-исторической литературе, мало-помалу становились не только достоянием широких кругов немецких читателей, но и важным элементом единой национальной памяти.

В самый канун революции (в январе 1848 г.) был подготовлен к изданию крупный труд по истории русской кампании, который написал Франц Редер, в 1812 г. офицер 1-го батальона гессенской лейб-гвардии, а к концу жизни — полковник генерального штаба гессенской армии, многие годы собиравший материалы о событиях русского похода. Отвергая «французские романы» Сегюра, он привлек «пригодные труды» Шамбрэ, Гурго, Бутурлина, Пеле, но главное — использовал некоторые рукописные материалы, подготовленные для военного руководства германских государств, и свой дневник, который он методически вел несмотря ни на что^{xxxvi}. К сожалению, сам Франц Редер не успел издать свой труд, и это пришлось сделать его сыну Карлу Давиду Августу Редеру (1806—1879), известному профессору права в Гейдельберге, ученику К. Х. Ф. Краузе, масону, преподававшего странную смесь идей Фихте, Шеллинга и собственных фантазий. Сам Карл Редер вскоре станет членом Франкфуртского парламента и, наряду с научными занятиями, будет многие годы участвовать в политической жизни.

Книга Редера была выдержана в строгом, беспристрастном стиле, затрагивая, главным образом, военную сторону событий и одновременно уклоняясь от каких-либо значительных выводов и обобщений. Численность противоборствующих армий ко времени генерального сражения автор определял по Шамбрэ и Бутурлину: 134 тыс. по ведомостям и 120 тыс. реально к 7 сентября у Наполеона и 131 тыс. — у русских, включая в эту цифру новобранцев и ополченцев^{xxxvii}. Сама подготовка к сражению и его ход были воспроизведены весьма убедительно. Автор показал перипетии

боя за Багратионовы «флеши», когда сил Даву оказалось недостаточно для их захвата и пришлось бросить корпус Нея и Жюно, вследствие чего солдаты дивизии Ледрю вошли в южный люнет вперемешку с 57-м линейным 1-го корпуса. Редер отмечал противоречивость в указаниях на то, когда же окончательно были взяты «флеши»: если французские источники говорили о 8 утра, то в «вюртембергском отчете» значилось 11 утра!^{xxxviii} Отметил автор разночтения источников и в отношении поведения Наполеона во время рейда русской кавалерии (в описании которого использовалась книга Клаузевица), указывая, что только Пеле говорил, будто Наполеон покинул ставку и поехал к северному флангу. Наконец, предлагая картину взятия «большого редута», Редер обратил внимание на вариации в описании этого события, ставя под сомнение французскую версию. При этом он использовал бумаги А. Минквица, бывшего первого лейтенанта саксонского «полка Цастрова» и адъютанта генерала Тильмана^{xxxix}. Наполеон, как следовало из текста книги, встретил на Бо родинском поле ожесточенное сопротивление, что и вызвало многочисленные сбои в реализации первоначального замысла. Задачи разгрома русских ему достичь не удалось. О потерях сторон в сражении Редер писал уклончиво, предпочитая просто перечислять противоречащие друг другу данные Ларрея, Бутурлина, 18-го бюллетеня и пр. Все же он полагал, что в плен попало до 1 тыс. русских солдат и 21 орудие, бывшее в укреплениях. Русские взяли одну полевую пушку^{xl}.

Революция 1848–1849 гг. не принесла Германии единства на принципах либерализма, но ускорила консолидацию земель вокруг прусской монархии. Легенда о решающей роли немецких князей и королей (особенно прусских Гогенцоллернов) в освободительной борьбе 1813–1815 гг., восхищение перед стойкостью и героизмом немецкого солдата стали теперь главными темами всех немецких изданий 50-х годов, посвященных наполеоновской эпохе^{xli}.

Особенно хорошо была встречена немецким читателем в 50-е годы

книга майора в отставке доктора Генриха фон Байцке^{xlii}, вскоре вышедшая и вторым изданием, переработанным с учетом книги Бернгарди и, частично, Рот фон Шрекенштайна. Байцке воспользовался многими общеизвестными источниками — работами Пеле, Гурго, Лоссберга, Клаузевица, Бутурлина, Вольцогена, Е. Вюртембергского. Но, пытаясь сохранить объективность, он все же не смог не поддаться тенденциозности в изложении темы Бородинского сражения, иногда прибегая к весьма легковесным материалам, скажем, к работе Вентурини. Помимо этого, стремясь к взвешенному изложению событий, Байцке, по сути, подменил научный анализ простым перечислением точек зрения различных авторов. Остались невыясненными и такие ключевые вопросы, как место Бородинского сражения в планах Наполеона и Кутузова, а также его последствия. Сам ход сражения Байцке излагал, в целом, убедительно (хотя и допуская некоторые явные неточности), пытаясь уделять основное внимание достойной храбрости немцев с той и с другой стороны. Читатель невольно ставил вопрос: почему немцы были разделены, и почему они должны были биться друг с другом ради чужих интересов? Потери сторон Байцке определял в 58 тыс. убитыми и ранеными со стороны русской армии и в 34—35 тыс. со стороны французской. Количество русских пленных он полагал не более чем в 1 тыс. человек, а число захваченных орудий в 13^{xliii}. Сражение было совершенно проиграно армией Кутузова, и все попытки русских представить Бородино как победу Байцке считал просто смешными. Освобождение Германии и всей Европы автор (как, впрочем, и большинство немецких авторов) связывал не с войной 1812 г., а с более поздними событиями, особенно с Ватерлоо, когда «доблесть пруссаков и их знаменитого предводителя» сорвала все планы Наполеона.

Не меньшее влияние на формирование памяти о «немецком Бородино» оказала работа генерал-лейтенанта Людвиг Иоганна Карла Густава Эвсебея Рот фон Шрекенштайна (1789-1858), бывшего в 1812 г. младшим лейтенантом кав. «полка Цастрова» и адъютантом командира 1-й

бригады 7-й тяжелой кав. дивизии 4-го кав. корпуса^{xliv}. Рот фон Шрекенштайн поставил перед собой задачу осветить роль и характер действий кавалерии Великой армии при Бородине, в основном, на примере 4-го кав. корпуса. Всего в сражении участвовало 83 кавалерийских полка Великой армии, из которых 20 (!) были немецкими. Ключевую роль в бою у Семеновского оврага и, особенно, за батарею Раевского сыграла немецкая кавалерия, имевшая лучший, чем у французов, конский состав. Автор отверг «поэтическую историю» о взятии Курганной высоты Коленкуром и попытался реконструировать подлинный ход событий, отдав всю славу покорения «вулкана» саксонским, вестфальским и польским кирасирам и, отчасти, польским уланам Рожнецкого^{xlv}. В качестве приложения Рот фон Шрекенштайн предложил обзор состояния к 7 сентября личного и конского состава саксонской бригады, дал списки всех офицеров с указанием их служебного положения на середину 50-х годов. Хотя работа Рот фон Шрекенштайна и не была лишена неточностей, вполне объяснимых при воспроизведении автором, нередко по памяти, давних событий, но на последующие 150 лет она стала основой для изучения многих событий Бородина немецкими, англо-американскими и русскими историками.

Внес свой вклад в формирование представлений о «немецком Бородино» и Людвиг Юстус Филипп Адольф Вильгельм Вольцоген (1774—1845). Состоявший во время сражения при Барклае де Толли, Вольцоген, перейдя в 1815г. на прусскую службу, достиг чина генерала от инфантерии. Его мемуары издал в 1851 г. сын, писатель и большой поклонник Р. Вагнера^{xlvi}. Именно из них читатель узнал о докладе, который сделал Вольцоген (по поручению Барклая) Кутузову в конце сражения о невозможности для русской армии продолжать бой и о том, как лицемерно резко Главнокомандующий отчитал его за это, хотя ночью сам отдал приказ об отходе. Для Вольцогена и любого немецкого читателя этот эпизод был лишним доказательством той великой роли, которую сыграли немцы, участвуя в сражении на стороне той или другой борющейся армии, тем

более на фоне пустого бахвальства французов и бездарности русского командования. Л. Н. Толстой иначе осмыслит этот эпизод, известный ему в пересказах М. И. Богдановича и Бернгарди.

Во 2-й половине 50-х годов выпускает свою работу о жизни К.Ф. Толя Теодор фон Бернгарди (1802-1887), получивший образование в Гейдельберге под руководством Шлоссера, живший несколько лет в России, а позже, в 60-е и 70-е гг. выполнявший различные военно-дипломатические поручения прусского руководства. Помимо этого, Бернгарди сочетал занятия политэкономией (он принадлежал к так называемой немецко-русской экономической школе, выступавшей с критикой английских экономических теорий) с изучением русской истории. Будучи в России близок к Толю, и даже воспитывая его детей, Бернгарди, собрав во многом случайные материалы и перетолковывая устные рассказы самого Толя, издал в 1856—1858 гг. биографию последнего^{xlvii}. Остановившись в 3-м томе на участии Толя в Бородинском сражении, Бернгарди попытался противопоставить его активную деятельность вялому поведению Кутузова. К концу сражения русская армия оказалась в критическом положении и должна была отступить. Только благодаря Толю и другим немцам, воевавшим в составе русской армии, удалось сдержать войска Наполеона и не допустить полного поражения. Несмотря на явно тенденциозный характер, книга Бернгарди была хорошо встречена многими немцами. Хотя в отечественной литературе и принято жестко разделять, и даже противопоставлять, взгляды Бернгарди и Толя (это делали Бескровный, Тартаковский, Абалихин и Дунаевский), но очевидно и другое: Толь, не имея возможности открыто изложить свои представления о Бородине в публикуемых под его именем многочисленных «Описаниях...», в устных беседах с Бернгарди мог выразиться более откровенно.

Особенно заметное влияние оказала книга Бернгарди на К. Маркса и Ф. Энгельса, живших тогда в Англии и опубликовавших серию статей по военной истории для «Нью-Йорк дэйли трибьюн» и «Новой американской

энциклопедии». Тема Бородина впервые, вероятно, начинает интересовать Энгельса, который пытается заниматься военно-исторической теорией, в 1853 г. В апреле того года, когда назревала Крымская война, Энгельс в письме к И. Вейдемейеру всерьез ставит «практический вопрос»: «что должна делать революционная армия в случае удачного наступления на Россию». Под «революционной армией» он понимает объединенные силы будущей демократической Европы. В этой связи он и обратился к войне 1812 года. «Русская кампания 1812 года» была для него «темной и неясной», в частности в том, состоял ли оперативный план Наполеона с самого начала сразу идти на Москву или нет^{xlvi}. Уже во время самой Крымской войны, делая обзор военных действий для газеты «Нью-Йорк дэйли трибьюн», и описывая сражение при Альме, Энгельс вспоминает Бородино, «где русская пехота, хотя и разбитая, продолжала драться, не способная к панике»^{xlix}. В декабре того же года он совместно с Марксом вновь возвращается к теме 1812 года, пытаясь выяснить причины поражения Наполеона в походе на Москву. При этом, обращаясь к прогнозам на будущее, Энгельс и Маркс рассматривали Австрию и «Германию» в качестве важных участников общеевропейского (надо полагать — демократического) лагеря в борьбе с реакционной царской Россией¹. В 1855 г., вновь поднимая тему борьбы объединенных армий Европы против России, Энгельс обращается к Бородинской битве. Наполеон при Бородине, по его мнению, совершил серьезнейшую ошибку: «...Он в решающий момент не двинул вперед гвардию и тем самым упустил случай помешать русским войскам отступить в полном порядке»^{li}.

Наконец, в 1857 г., когда Энгельс при участии Маркса работал для «Новой американской энциклопедии», был окончательно сформирован взгляд на Бородинское сражение. Основным источником послужил труд Бернгарди (при периодическом обращении к Жомини, которого Энгельс явно предпочитал Клаузевицу). Французская армия, имея в целом около 125 тыс. бойцов, 5 сентября потеснила русских на их левом фланге, что

позволило Наполеону в день генерального сражения попытаться прорвать этот фланг, «ограничиваясь наблюдением за центром русских». Весь «план Наполеона был построен на ошибках Кутузова». Несмотря на ожесточенное сопротивление русских у люнетов южного фланга и в центре (по мнению Энгельса, «редут» Раевского был взят французами к 11 час. и отбит войсками Васильчикова и Дохтурова в начале 12-го), атаку Платова и Уварова (которая «до некоторой степени» расстроила план Наполеона), ситуация для русских складывалась критическая. Будучи сброшены с позиций у Семеновского оврага, «в беспорядке мелкими группами они бежали к Можайску, и их удалось собрать лишь поздно ночью; только три гвардейских полка сохранили некоторый порядок». Уже в 12 час. французы заняли позицию непосредственно в тылу русского центра. Около 3-х час. дня русские уступили редут в центре и затем начали общее отступление. Русские потери насчитывали 52 тыс. человек; в строю на следующий день оказалось столько же. Численность французской армии, потерявшей 30 тыс., была значительно большей, тем более при сохранении гвардейского резерва в 14 тыс. пехоты и 5 тыс. кавалерии и артиллерии. Им удалось захватить 40 орудий и 1 тыс. пленных. «Если бы Наполеон ввел в сражение свою гвардию, то, по словам генерала Толя, — писал Энгельс вслед за Бернгарди, — русская армия была бы наверняка уничтожена. Однако он не рискнул своим последним резервом.., и может быть поэтому упустил возможность заключения мира в Москве»^{lii}.

Энгельс еще не раз обращался к Бородинской битве^{liii}. И хотя отношение пренебрежительного превосходства к русским у Энгельса постепенно проходило, его представления о Бородине остались, по-видимому, неизменными.

В 60-е годы, когда в германской исторической науке господствующие позиции все более стали занимать «малогерманцы» (Г. Зибель, Г. Трейчке и др.), превознося деятельность прусской монархии, продолжали выходить многочисленные материалы немецких участников Бородинского сражения^{liv}.

. Наиболее важными среди них были воспоминания Франца Людвиг Августа фон Мейерхайма, офицера саксонского полка Гар дю Кор, впоследствии полковника и адъютанта короля Саксонии (изданы сыном автора); одновременно с воспоминаниями Мейерхайма были опубликованы письма «с берегов Волги» его командира, полковника А.Ф. Лейсера, попавшего в день сражения в русский плен. Эти материалы окончательно закрепляли «саксонскую версию» взятия «большого редута», которая почти напрямую оспаривала «французскую версию», ставшую к тому времени символом военной славы и предметом гордости французов. Пройдет 10 лет, и германские войска растопчут французскую армию, с которой они воевали бок о бок на Бородинском поле. Большой интерес представляли также мемуары мекленбуржца Карла фон Зуккова, который в 1812 г. был лейтенантом 25-й вюртембергской дивизии корпуса Нея и участвовал в бою у Семеновских укреплений, а также воспоминания Карла Шеля, трубача-карабинера из дивизии Дефранса. Продолжали публиковаться и переводиться на немецкий язык специальные работы^{lv}.

Весь этот поток литературы апеллировал к славе немецких солдат, проявленной на Бородинском поле, звал к новым победам во имя единой Германии и к мщению за страдания и унижения, которые достались немцам по вине французского императора в начале века.

После франко-прусской войны и образования Германской империи память о Бородинском сражении продолжала оставаться важным формирующим элементом немецкой политической, исторической и военной культуры. Разница с предшествующим временем заключалась только в том, что коллективная память непосредственных участников событий 1812—1815 гг. теперь все более замещалась коллективными представлениями того поколения немцев, для которого страшная эпопея 1812 г. и последующее освобождение Германии были миром преданий и легенд. Романтизированное восприятие славного прошлого стало определять поступки государственных, политических и военных деятелей, а нередко

простых немецких обывателей и рабочих на рубеже XIX—XX вв. «Государственная германская идея» и «германский дух», — писал о 1813 г. наиболее влиятельный в то время историк Ф. Мейнеке, духовно объединивший реформаторов и реакционеров, — наконец-то «нашли друг друга»: в огне борьбы произошло их мистическое слияние, истинным выразителем которого стало прусское государство^{lvi}. Важнейшим фактором, предопределившим интерес немцев рубежа XIX—XX вв. к эпохе наполеоновских войн, и в частности к 1812 г., стала проблема войны для Германии на два фронта. На многочисленных примерах сражений наполеоновской эпохи, в том числе Бородинской битвы, Йорк фон Вартенбург и Фрейтаг-Лорингофен демонстрировали роль морального фактора (под которым они понимали прежде всего гений полководца) для исхода сражения. При этом исход всей вооруженной борьбы, по их мнению, мог быть решен только через сражение. Поэтому в сражении необходимо, хладнокровно жертвуя собственными войсками, добиваться полного уничтожения противника^{lvii}. В данном случае, по мнению прусских военных теоретиков, кампания 1812 г. и Бородинское сражение были свидетельством заката гения Наполеона, но не его принципов. Литература такого рода оказала сильнейшее влияние на немецкий Генеральный штаб, в том числе при подготовке к первой мировой войне.

Специально о кампании 1812 г. и о Бородине вышло на рубеже веков множество воспоминаний и работ мемуарного характера: воспоминания Г. фон Брандта (1789-1868), человека удивительной судьбы, офицера 2-го полка «Легиона Вислы», поведавшие о перипетиях борьбы за «большой редут» 7 сентября; целая серия публикаций о действиях 8-го вестфальского корпуса в районе Утицкого леса (подполковника Л. Бедикера, раненного в день битвы пулей в рот навывлет; капитана Й. Борке, капитана Линсингена, подполковника Л. З. Конради), мемуары лейтенанта 1-й вюртембергской конной батареи Ш. Флейшмана, бок о бок сражавшегося с батареями 2-го кав. корпуса; воспоминания Г. А. Фоссена, немца из 57-го линейного

французского полка 5-й дивизии Компана, боровшегося за Семеновские укрепления; лейтенанта К. А. Веделя, воевавшего в 9-м полку шволежеров-лансьеров, и т. д.^{lviii} Были опубликованы на французском языке и воспоминания В.Г. Левенштерна, адъютанта Барклая де Толли, представившие взгляд «немца» со стороны русских войск, и оспаривавшие подвиг А.П. Ермолова, контратаковавшего неприятеля у Курганной высоты
lix

Война 1812 года нашла отражение и в многочисленных полковых историях и «историях» армий отдельных немецких государств^{lx}. Целый ряд работ был специально посвящен войне 1812 года и участию немецких контингентов в Бородинском сражении^{lxi}. Среди них наибольший интерес вызывали книги известного писателя Карла Блейбетрая и военного историка К. Остен-Сакена, которые попытались критически подойти к имевшемуся в те годы документальному материалу. Так, Блейбетрай, используя уже широко известные к тому времени работы французских и русских авторов, попытался подтвердить данные Денье о потерях Великой армии в 28 тыс. человек. Остен-Сакен склонялся к той же цифре, определяя русские потери в 52 тыс.^{lxii} Но ни тот, ни другой не претендовали на новое слово в освещении Бородина. Общей чертой их работ был особый акцент на бессмысленности жертв, понесенных народами германских государств.

Своего рода «классическим» немецким исследованием по Бородинскому сражению стал в те годы труд Максимилиана фон Дитfurта, бывшего гессенского капитана, историка гессенской армии, умершего от гипертонии вследствие тяжелой исследовательской работы^{lxiii}. Дитfurт определяет, вслед за Пеле, силы Наполеона к началу Бородинского сражения в 130 тыс. человек. Придирчиво подсчитав в процентах, сколько солдат и лошадей (и в каком состоянии) смогли перейти Неман и добраться до генеральной баталии, он делает вывод о значительной, если не решающей, роли немецкой кавалерии в Бородинском сражении. Состояние собственно французской кавалерии, полагает Дитfurт, было значительно

худшим, тем более, что «вообще французы являются плохими кавалеристами». В подсчетах численности русских сил автор, опираясь исключительно на немецких авторов (Хоффмана, Клаузевица и Охса), отмечает противоречивость данных, но отдает предпочтение цифре в 142 тыс., включая в нее и ополченцев^{lxiv}. Особенно подробно, обращаясь к работам Рот фон Шрекенштайна, Буркесроды, Редера и других немцев, Дитфурт описывает организацию, вооружение, личный состав, в том числе моральное состояние, немецких контингентов накануне Бородинского боя, и приходит к выводу о их удовлетворительном (в отличие от французских контингентов) состоянии. Вполне убедительно, нередко детализируя, Дитфурт освещает главные события самого сражения, подчеркивая ожесточенность боя за Багратионовы «флешы» (которые были взяты к 10 час.), Утицкий лес и дер. Семеновское. Всюду немецкие войска сыграли решающую роль. Там, где французы действовали «в одиночку», как например при атаке Бонами батареи Раевского, все заканчивалось неудачей. Особую роль сыграла немецкая кавалерия в окончательном покорении «большого редута» и кавалерийском бое к востоку от него. Ключевую роль немцев Дитфурт отмечает и в действиях противоборствующей, русской, армии — Е. Вюртембергского, Вольцогена и др. Хотя сражение и не закончилось полным разгромом русской армии (что Дитфурт связывал прежде всего с ошибками французского командования, недостаточно хорошей организацией и моральным состоянием французских частей), русские потери составили 40—45 тыс. (10—12 тыс. убитыми и 30—33 тыс. ранеными), 30 орудий и 5 тыс. пленными. Французские потери составили 30 тыс. человек.

В 1910—1914 гг. выходит особенно многочисленная немецкая литература, посвященная кампании 1812 г.^{lxv} Это было вызвано не только столетним юбилеем великих событий, но и совершенно новой социальной и духовно-психологической ситуацией в Германии. Народ становился армией, и по-новому понимал долг, достоинство и авторитет. Примером того может

служить работа социал-демократа Франца Меринга (1846-1919) «От Тильзита до Таурогена», опубликованная в 1913 г. В начале XIX в., полагал он, завоевательные стремления французской революции «столкнулись с дикими захватническими инстинктами азиатской деспотии». 7 сентября 1812 г. Кутузов проиграл генеральное сражение. «...Если ужасная битва явилась все же для русских почетным поражением, то это была заслуга Барклая, а не Кутузова, который бражничал вдали от поля сражения и имел бесстыдство донести царю, будто была одержана победа. Ответом на это явилось вступление Наполеона в Москву 14 сентября». Однако накануне Бородина у Наполеона было только 120 тыс., пространства России быстро съели его армию. Последующее освобождение Германии Меринг категорически отказывался связывать с результатами русского похода^{lxvi}.

Наибольшую известность приобрели, вышедшие накануне первой мировой войны, работы авторитетного немецкого историка Пауля Хольцхаузена^{lxvii}, особенно книга «Немцы в России в 1812 г.» Попытавшись учесть всю массу опубликованных к тому времени документов, дневников и воспоминаний немцев — участников русского похода, Хольцхаузен создал масштабную и исторически-достоверную картину Бородинской битвы. В его книге участники сражения как бы рассказывали сами о том, что они видели, как боролись и страдали. Со страниц работы Хольцхаузена вставала более сложная, чем привыкли убеждать себя в последние десятилетия немцы, картина взаимоотношений наций в составе Великой армии и движущих сил, побуждавших немецких солдат воевать на стороне Наполеона. Не только воинская честь, но и стремление скорее прекратить страдания, а нередко и надежда получить свою долю славы, — вот что двигало немцами при Бородино. И вместе с тем Хольцхаузен оттенил гуманизм и лиризм чувств, которые, по его мнению, были характерны для немецкого солдата, при любых обстоятельствах остававшегося прежде всего человеком.

Общие потери Великой армии Хольцхаузен оценивал в 28 тыс., в то

время как русские потери в 52 тыс. человек^{lxviii}. Но победа была «незавершенной» из-за отказа Наполеона ввести в бой основную часть своей гвардии. Причину этого решения автор усматривал как в стратегических соображениях Наполеона, так и в физическом и душевном состоянии великого полководца, впрочем, не желая делать какие-либо окончательные собственные выводы^{lxix}.

Тяжелейшие испытания 1914-1918 гг. и поражение Германии заставили немцев на время уйти от романтически-воинственных оценок событий наполеоновской эпохи. В течение более десятка лет преобладали, в целом, умеренно-либеральные воззрения, соединенные с признанием роли прусской монархии и преисполненной чувством долга немецкой армии в деле возрождения Германии^{lxx}. Интерес к чисто военной истории 1812 г. был небольшой^{lxxi}. Примером оценки немецкими историками того времени событий Бородина стал очередной том «Истории военного искусства в рамках политической истории» Ганса Дельбрюка, вышедший в 1919 г.^{lxxii} «Наполеон разбил русских под Бородином, — писал Дельбрюк, — взял Москву, был вынужден отступить и во время отступления потерял почти всю свою армию». Главная причина поражения Наполеона заключалась, однако, не в морозе, и не в стойкости русских под Бородином, но в недостатках снабжения и в плохом людском составе многих частей Великой армии.

Картина в оценках событий 1812 г. существенно изменилась с приходом нацистов к власти. 1813 г. превратился в прообраз 1933 г., а Шарнгорст и Гнейзенау стали предвестниками воссоединения германского духа и германской власти^{lxxiii}. На страницах целого ряда изданий рождается «гитлеровское Бородино»^{lxxiv}, наполненное героическими поступками немецких воинов, не имеющих ничего общего с космополитическим духом Запада и рождающих подлинный дух немецкой народной свободы.

Подготовка плана «Барбаросса» заставила гитлеровское командование обратить пристальное внимание на военные аспекты кампании Наполеона в 1812 г. Г. Блюментрит, начальник штаба 4-й армии, наступавшей в 1941 г. на Москву, вспоминал, как накануне войны немецкие офицеры изучали русскую кампанию Наполеона: «Места боев Великой армии Наполеона были нанесены на наши карты, мы знали, что вскоре пойдем по следам Наполеона»^{lxxv}. Немцы осознавали, что «все войны, которые вела Россия, были жестокими и кровопролитными... Наполеон считал Бородинское сражение самым кровопролитным из всех своих боев»^{lxxvi}. Изучение событий 1812 г. показало необходимость для немцев разгромить русские армии западнее Днепра и Западной Двины. «Если они смогут, — писал Блюментрит о Красной армии, — отойти нетронутыми за эти водные преграды, мы столкнемся с той же проблемой, которая стояла перед Наполеоном в 1812 г.»^{lxxvii}. При этом германское руководство ошибочно надеялось, что широкомасштабное использование техники позволит вообще исключить всякую возможность повторения ситуации 1812 г.^{lxxviii}

22 июня 1941 г., почти в тот же день, что и Наполеон, Германия начала военные действия против Советского Союза. «Перед глазами у меня до сих пор стоит живая картина первых недель войны, — вспоминал в 50-е годы Блюментрит, — невыносимая жара, огромные облака желтой пыли, поднимаемой колоннами...» Как это было похоже на ту картину, которую нарисовал немец Брандт, совершавший в колоннах наполеоновской армии марш от Смоленска на Москву в 1812 г.! «Воспоминание о Великой армии Наполеона преследовало нас как привидение. Книга мемуаров наполеоновского генерала Коленкура, всегда лежавшая на столе фельдмаршала фон Клюге, стала его библией»^{lxxix}. Поразительно схожими были также и настроения солдат гитлеровского вермахта и немецких бойцов Великой армии перед генеральной битвой: «Каждому солдату немецкой армии, — писал Блюментрит, — было ясно, что от исхода битвы за Москву зависит наша жизнь или смерть». На Бородинском поле

фельдмаршал фон Клюге (который, кстати, нередко в шутку сравнивал себя с маршалом Неем) обратился к четырем батальонам французского легиона «с речью, напоминая о том, как во время Наполеона французы и немцы сражались здесь бок о бок против общего врага»^{lxxx}. Но, если Наполеон все же смог войти в Москву, гитлеровскому вермахту этого сделать не удалось. Пытаясь проводить параллели между поражением Великой армии и гитлеровского вермахта, генералы Г. Гудериан^{lxxxii} и Блюментрит указывали на такие общие причины, как недооценка противника, растянутость коммуникаций (что затрудняло снабжение войск) и стратегические просчеты. Причем, просчеты Гитлера они объясняли его авантюристичностью, тем, что этот «мечтатель игнорировал время, пространство и ограниченность немецкой мощи». «Наполеон был не французом, — писал Блюментрит, — а итальянцем с Корсики... Гитлер был не чистым немцем, а австрийцем»^{lxxxii}.

После 1945 г. начался долгий путь преодоления немцами страшной трагедии нацистского рейха. У восточных немцев и западных это происходило по-разному. Но важной опорой в прошлом в этом преодолении для тех и других были события наполеоновских войн. Историки ГДР предпринимали попытки провести параллель между предательством немецкими монархами и князьями в 1812 г., превратившими своих солдат в пушечное мясо армии Наполеона, и государственными деятелями Третьего рейха, нападшими на СССР в 1941 г.^{lxxxiii}. Особое внимание уделялось той роли, которую сыграла стойкость русских войск при Бородине для подъема национально-освободительной войны немецкого народа в 1813 г. «Без Бородина не было бы Лейпцига», — сказал крупнейший исследователь из Восточной Германии Л. Штерн в 1963 г. на совместной сессии историков ГДР и СССР, посвященной 1813 г.^{lxxxiv} При этом, восточногерманские историки, много говоря о народном немецком патриотизме, не уделяли практически никакого внимания участию немецких воинских контингентов в походе 1812 г. О Бородине говорилось либо словами советских историков

Жилина и Бескровного (в основополагающей для восточно-германской историографии фундаментальной «Германской истории» отмечалось, что при Бородине пало до 50 тыс. офицеров и солдат Великой армии и 40 тыс. русских, и поэтому вхождение Наполеона в Москву только со 100 тыс. солдат стало началом его стратегического поражения)^{lxxxv}, либо говорилось вскользь^{lxxxvi}, либо вообще ничего^{lxxxvii}.

В Западной Германии ситуация была иной. Хотя принято считать, будто вплоть до 60-х годов в Западной Германии господствовал тезис о том, что нацистская диктатура являлась разрывом с национальным прошлым, обращение к тематике наполеоновской эпохи дает несколько иную картину. Скажем, такой влиятельный западно-германский историк, как Риттер, на протяжении 2-й половины 40-х — середины 60-х гг. неизменно проводил идею об исторической связи между гитлеровским фашизмом и тем национализмом, который был связан «с полями битвы под Лейпцигом». «Авантюристам» типа Гнейзенау, пытавшимся мобилизовать массы, Риттер противопоставлял честных солдат-профессионалов, которые при любых обстоятельствах неизменно руководствовались чувством долга^{lxxxviii}. Разгулу народного духа западно-германские историки до известной степени противопоставляли организующую и сдерживающую роль монархий^{lxxxix}. Но это не было реанимацией «прусской легенды». Германия, будь то «революционная» или «прусская», не противопоставлялась Западу, а рассматривалась как его органическая часть.

Подобно тому, как после крушения наполеоновской Франции А. Де Виньи поднял вопрос о чести и достоинстве солдата, о чести и достоинстве воина заговорили после 1945 г. и немцы. Пытаясь снять с германского солдата ответственность за преступления Третьего рейха, западно-германские авторы обратились к более ранней истории, стремясь показать немецкую армию носителем высших моральных качеств^{xc}. Решению этой задачи во многом были подчинены издания, где затрагивалась тема русского похода и Бородине^{xc1}. Эти книги добавляли

некоторые детали, но сколь бы то ни было серьезно не влияли на представления немцев о Бородине. Своеобразным порождением новой Германии, в чем-то ставшей интегрированной частью единого Запада, явился выход работ Отто фон Пивки и Дигби Смита^{xcii}. Первый из авторов — немец, публикующий свои работы в Англии и США, другой — англичанин, многие годы служивший в натовских структурах в Западной Германии и оставшийся там жить. Их взгляды на Бородино, в целом, вписываются в англо-американскую традицию, но уделяют вместе с тем большое внимание немецким источникам и обнаруживают симпатию к немецким солдатам Великой армии.

Подведем итоги. Бородинское сражение стало для немцев важнейшим элементом коллективной памяти и коллективных представлений о прошлом. С удивительным постоянством «призрак Бородина» всякий раз возрождается, когда немецкий народ оказывается перед той или иной важной проблемой в своей истории. Витавший над полем Бородина немецкий национальный дух принимал в дальнейшем самые разнообразные формы — от «прусско-гогенцоллерновской идеи» до антизападного и антирусского национализма и прорусского социализма. Данный феномен может быть истолкован либо как вольное обращение немецких интеллектуалов и политиков с податливой массой «исторической памяти» Бородина, либо как многообразие сильнейших импульсов, посылаемых из прошлого немецкими солдатами Бородина своим следующим за ними соотечественникам. Так или иначе, многочисленные немецкие интерпретации Бородина напрямую связаны с осмыслением таких важнейших проблем современной истории, как взаимоотношения Германии и Франции, Германии и России, место и роль Германии в формирующихся общеевропейских структурах, и с рядом других.

Примечания

ⁱ Роос Г. С Наполеоном в Россию. М., 1912. С. 114.

- ⁱⁱ Письма К. Клаузевица Марии Клаузевиц // *Клаузевиц К.* 1812 год. 2-е изд. М., 1937. С. 246.
- ⁱⁱⁱ Текст «Описания...» составлен на немецком языке и опубликован в известном издании документов Военно-ученого архива Главного штаба (Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 16). В значительно расширенном варианте «Описание битвы при селе Бородине» на немецком языке было опубликовано в Петербурге в 1939 г. Подробнее о «записках» Толя см.: *Тартаковский А. Г.* Труд К. Ф. Толя об Отечественной войне 1812 г. (опыт реконструкции) // *Истор. записки.* М., 1970. Т. 85. С. 368-428.
- ^{iv} См., например, рапорты вестфальского военного министра В. Сальа графа фон Хене королю Вестфалии Жерому от 8 октября // *Chuquet A.* 1812. La guerre de Russie. Notes et documents. P., 1912. Sér. 1. P. 71-75.
- ^v *Bomsdorff R., von.* Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge. Leipzig, 1816; *Dillenius K.* Beobachtungen über die Ruhr... Lüdwigsburg, 1817; *Liebenstein F.L.A.* Der Krieg Napoleons gegen Rußland in den Jahren 1812 und 1813. Frankfurt am M., 1819. Bd. 2; *Бретинейдер.* Четырехлетняя война союзных держав противу Наполеона Бонапарте. СПб., 1820. 4.1.
- ^{vi} *Venturini C.* Rußlands und Deutchlands Befreiungskriege... Leipzig, 1816—1819. Т. 1-4. Множество авторов принимало Вентурини за участника событий или серьезного историка (об этом см.: *Попов А. И.* «Засадный отряд» Н. А. Тучкова (сомнения в очевидном, или апология Беннигсена) // *Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы.* Бородино, 1999. С. 135, 138, 142
- ^{vii} *Lemazurier M. J.* Medizinische Geschichte das rußischen Feldzuges von 1812. Iena, 1823; *Leissnig W.L.* Märsche und Kriegerlebnisse im Jahre 1812. Budissen, 1828; etc.
- ^{viii} *Völdendorf, Waradein.* Kriegsgeschichte von Bayern... München, 1826. Bd. 3; *Hohenhausen L., von.* Biographie des Generals von Ochs. Kassel, 1827; *Cerrini di Monte Varchi C. F. X.* Die Feldzuge der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821; [*Cerrini*] Bruchstücke, die Mitwirkung der rgl. Sächsischen Kürassier-Brigade bei der Schlacht an der Moskwa // *Oesterreichische militärische Zeitschrift.* 1824. Bd. 4. Hft. II. См. также анонимную работу: *Die Schlacht von Borodino oder an der Moskwa.* Weimar, 1824.
- ^{ix} *Adam A.* Voyage de Willenberg en Prusse jusqu'à Moscou en 1812. Munich, 1828 (наиболее распространенное немецкое издание — *Adam A.* Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. Stuttgart, 1886); *Faber du Faur.* Blatter aus meinen Portfeuille, im Laufe des Feldzuge 1812. Stuttgart, 1831—1843 (наиболее известны два французских издания: *Faber du Faure C. W., von.* Campagne de Russie, 1812. P., n.d.; *Faber Du Faur G.* Campagne de Russie, 1812. P., 1895). См. также: *Quennevat J. C.* Albrecht Adam et Faber du Faur, «Reporters» de la campagne de Russie // *Souvenir napoléoniennes.* Т. 262. P. 14-18.
- ^x *Roos H.U.L., von.* Ein Jahr aus meinem Leben... St. Petersburg, 1832 (вышедшие первым изданием в Петербурге на немецком языке воспоминания Рооса стали широко известны и в Германии; см. книгу о нем: *Barsewich T.* Die Badener in Rußland. Karlsruhe, 1893); *Schrafel J.* Merkwürdige Schicksale des eines Feldwebels in der Jahren 1812-1814. Nürnberg, 1834 (Иозеф Шрафель, служивший в 5-м баварском линейном полку, не участвовал в Бородинском сражении, но упоминал о нем); *Kurz K.G. F., von.* Der Feldzug von 1812. Esslingen, 1838; etc
- ^{xi} *Clamewitz C.* Der Feldzug von 1812. Berlin, 1834; *Cellner.* Geschichte der Feldzuges in Rußland. o.O., 1839 (второе издание этой работы вышло не только с иным названием, но и с иным написанием фамилии автора — *Celner L.* Geschichte der russische Kriegs. 1812. o.O., 1862.
- ^{xii} *Clausewitz C.* Hinterlassene Werke über Krieg und Kriegführung. Berlin, 1832-1837. Т. 1-10.
- ^{xiii} *Пухт В.* Немецкий солдат // *Итоги второй мировой войны.* Сб. статей. М., 1957. С. 47.
- ^{xiv} *Дживелегов А.И.* История современной Германии. СПб., 1908 4.1. С. 65.

-
- ^{xv} *Клаузевиц К.* 1812 год. 2-е изд. М., 1937. С. 73-89, 182, 232-233
- ^{xvi} Там же. С. 95, 98.
- ^{xvii} Там же. С. 103, 115, 117, 205. Клаузевиц оспаривал мнение Бутурлина, который считал русские потери в 50 тыс.
- ^{xviii} Там же. С. 112, 114.
- ^{xix} Известный русский и советский военный теоретик А. А. Свечин справедливо указывал на то, что при Бородине Наполеон и его армия находились «в эпохе заката», и абсолютизация опыта Бородина привела Клаузевица к чересчур категорическим выводам (*Свечин А.А.* Клаузевиц. М., 1935. С. 255). Здесь следует отметить, что к 7 сентября 1812 г. Клаузевиц тяжело страдал от зубной боли. К тому же, совершенно не зная русского языка, он мог весьма поверхностно ориентироваться в происходивших событиях.
- ^{xx} *Клаузевиц К.* Указ. соч. С. 90-91.
- ^{xxi} *Meerheimb F.* Karl von Clausewitz. Berlin, 1875; *Schwertz.* Leben des Generals Karl von Clausewitz. Berlin, 1878; etc.
- ^{xxii} *Blaschke R.* Carl von Clausewitz. Berlin, 1934.
- ^{xxiii} *Hohlweg W.* Carl von Clausewitz. Soldat. Politiker. Penker. Göttingen, 1957; *Фабиан Ф.* Перо и меч. Клаузевиц и его время. М., 1956.
- ^{xxiv} *Hörh R.* Scharnchorst's Vermächtniß. Bonn, 1953; etc.
- ^{xxv} *Lossberg F. W., von.* Briefe in die Heimath geschrieben während des Feldzuges 1812 in Rußland. Cassel, 1844 (русское издание — *Лоссберг, фон.* Поход в Россию в 1812 г. // Военно-исторический вестник. 1912. № 1); *Fleck.* Beschreibung meiner Leiben und Schicksale... Hildesheim, 1845.
- ^{xxvi} *Burkersroda.* Die Sachen in Rußland. Naumburg, 1846.
- ^{xxvii} *Hoffman G.* Die Schlacht von Borodino. Koblenz, 1846; *Bismark, von.* Aufzeichnungen. Karlsruhe, 1847 (в том же году вышло французское издание — *Bismark, de.* Campagne de Russie. P., 1847).
- ^{xxviii} *Kausler F.* Erläuternde Andeutungen, beigegeben zu dem Werke von Faber du Faur's. Stuttgart, 1845.
- ^{xxix} *Wurtemberg.* Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jares 1812 in Rußland von dem Herzog Eugen von Wurtemberg. Breslau, 1846. В 1862 г. вышло новое немецкое издание: *Memoiren des Herzogs Eugen v. Wurtemberg.* Frankfurt am O., 1862. Bd. 2. Страницы воспоминаний, посвященные Бородину, были опубликованы на русском языке уже в 1848г.: Воспоминания герцога Евгения Виртембергского... // Военный журнал. 1848. № 1. С. 32-98. Наиболее известное русское издание: *Евгений, принц Виртемберг.* Воспоминания о русском походе 1812 г. (вых. данных нет).
- ^{xxx} *Steger F.* Der Feldzug von 1812. Braunschweig, 1845.
- ^{xxxi} *Ibid.* S. 90-91.
- ^{xxxii} *Ibid.* S. 100, 112.
- ^{xxxiii} *Ibid.* S. XVI.
- ^{xxxiv} *Шлоссер Ф.* Всемирная история. 2-е изд. СПб., М., 1872. Т. 6.
- ^{xxxv} Там же. С. 598-600.
- ^{xxxvi} Большая часть записей дневника была опубликована в XX в. потомком Франца Редера Еленой Редер: *Roeder H.* The Ordeal of Captain Roeder. L., 1960.
- ^{xxxvii} *Röder F.* Der Kriegszug Napoleons gegen Rußland im Jahr 1812. Leipzig, 1848. S. 125-127.
- ^{xxxviii} *Ibid.* S. 134-141.
- ^{xxxix} *Ibid.* S. 145-146; Anm. Сама книга Минквица была опубликована только в 1879 г.
- ^{xl} *Ibid.* S. 152-154.
- ^{xli} См., например, *Förster F.* Napoleon I russischer Feldzung 1812. Berlin, 1856; *Krauss T.*

Geschichte der bayerschen Heersabteilung im Feldzuge gegen Rußland 1812. Augsburg, 1857.

^{xliii} *Beitske H.* Geschichte des Rußischen Krieges im Jahre 1812. Berlin, 1856 (далее цит. по 2-му берлинскому изданию 1862 г.).

^{xliiii} *Ibid.* S. 227-228.

^{xliv} *Roth von Schreckenstein.* Die Kavalerie in der Schlacht an der Moskwa. Münster, 1858.

^{xlv} *Ibid.* S. 69-122.

^{xlvi} *Wolzogen L.* Memoiren der Königlichen preussischen Generals der Infanterie Ludwig Freiherr von Wolzogen. Leipzig, 1851.

^{xlvii} [*Bernhardt T.*] Denkwürdigkeiten des Kaiserl.-russ. Generals von der Infanterie Karl Fridrich Grafen von Toll von Theodor von Bernhardt. Leipzig, 1856-1858. Bd. 1-4. См.: *Тартаковский А.Г.* Труд К.Ф. Толя об Отечественной войне-1812 г. (опыт реконструкции) // Исторические записки М., 1970. Т. 85. С. 368-428; *Он же.* Неразгаданный Барклай. Ле-гевдыбыль 1812 года. М., 1996. С. 67-68.

^{xlviii} Ф. Энгельс — И. Вейдемейеру. 12 апреля 1853 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М., 1962. Т. 28. С. 487.

^{xlix} *Энгельс Ф.* Кампания в Крыму. 9 ноября 1854 г. // Там же. Т. 10. С. 544.

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Развитие военных действий. 14—15 декабря 1854 г. // Там же. С. 575-576.

^{li} *Энгельс Ф.* Армии Европы // Там же. Т. 11. С. 439.

^{lii} *Энгельс Ф.* Бородино // Там же. Т. 14. С. 256-261. См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Барклай-де-Толли // Там же. С. 92-94.

^{liii} См., например: *Энгельс Ф.* Кавалерия // Там же. Т. 14. С. 324; Ф. Энгельс — К. Марксу. 23 мая 1862 г. // Там же. Т. 30. С. 196.

^{liv} *Meerheim F.L.A., von.* Erlebnisse eines Veteranen der Grossen Armee während des Feldzuges in Russland, 1812, herausgegeben von dessen Sohn Richard von Meerheimb. Dresden, 1860 (в виде приложения были опубликованы воспоминания полковника Ф. Ф. Лейссера, командира Гар дю Кор — S. 278-301); *Suckow K., von.* Aus meinem Soldatenleben. Stuttgart, 1862; *Schehl.* Selbstbiographie des jüngsten niederrheinischen Veteranen der Großen Armee von 1812. Krefeld, 1862; *Martens C., von.* Vor fünfzig Jahren. Tagebuch meines Feldzuges in Rußland 1812. Stuttgart, 1862; etc.

^{lv} *Smitt F., von.* Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812, nach archivalischen ...Leipzig; Heidelberg, 1861; *Bogdanovitch M.* Geschichte des Feldzuges im Jahre 1812. Leipzig, 1863; etc.

^{lvi} *Кан С. Б.* Освободительная война в немецкой исторической литературе // *Вопр. истории.* 1955. №2. С. 131.

^{lvii} *York von Wartenburg.* Napoleon als Feldherr. Berlin, 1884; *Freytag-Loringhoven.* Mit welchen Mittelwürde er erstrebt? // *Studien zur Kriegsgeschichte und Taktik.* Berlin, 1903. Bd. 3. См. также: *Гельмерт Г.* Освободительная война 1813 г. в военно-исторической литературе прусского генерального штаба // *Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства.* М., 1965. С. 357—371.

^{lviii} *Brandt H., von.* Aus dem Leben des Generals der Infanterie Heinrich von Brandt. Berlin, 1869. Bd. 2 (уже в следующем году началась публикация 2-го немецкого издания; французское издание — *Brandt H., von.* Souvenirs d'un officier polonais. P., 1877); *Die militärische Laufbahn L. Boedicker* // Beiheft zum Militär-Wochenblatt. 1880. Hft.1; *Borke J., von.* Kriegerleben des Johann von Borcke, weiland kgl. Preuss. Oberstlieutenants, 1806—1815. Berlin, 1888; *Linsingen.* Auszug aus dem Tagebuch // Beihefte zum Militär-Wochenblatt. 1894; *Conrady W.* Aus sturmischer Zeit. Berlin, 1907; *Fleischmann Ch.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1892; *Vossen.* Tagebuch des Lieutenants Anton Vossen, vornehmlich über den Krieg in Rußland 1812. Marburg, 1892 (русское издание: *Дневник поручика Фоссена* // *Русский архив.* 1903. №11. С. 467-479; английское: *Vossler H.A.* With Napoleon in Russia, the Diary of a lieutenant of the Grand Army. 1812-1813. L., 1969);

Wedel C.A.W., von. Geschichte eines Offiziers im Kriege gegen Rußland 1812... Berlin, 1897.

^{lix} Löwenstern W. H., von. Mémoires du général-major Russe baron de Léwenstern. s.a., 1903. T. 1-2.

^{lx} См., например: Schuster O., Frank F. A. Geschichte der Sächsischen Armee. Leipzig, 1885. T. 2; Ulrich M. Die Königs-Schevaulegers. Gedenkblätter aus der Geschichte des königlich bayerischen 4. Schvaulegers-Regiments «König». München, 1892; Barschewisch, von. Geschichte des Grossherzoglich badischen Leib-Grenadier Regiments, 1803-1871. Karlsruhe, 1893; Kattrein L. Ein Jahrhundert deutscher Truppengeschichte dargestellt an derjenigen des Grosse Hessischen Kontingents 1806-1906. Darmstadt, 1907; etc.

^{lxi} Weiden C., von. Der Feldzug der Oesterreichen gegen Russland im Jahr 1812. Vienna, 1870; Horsetzky A., von. Der Feldzug 1812 in Russland. Vienna, 1889; Bleibtreu K. Der russische Feldzug 1812. Leipzig, 1893; Exner M. Der Antheil der Konigl. Sächsischen Armee am Feldzuge gegen Rußland, 1812. Leipzig; Duncker, 1896; Osten-Säcken C. Der Feldzug von 1812. Berlin, 1901; Bleibtreu K. Die Grosse Armee. Stuttgart, 1908. Bd. 3; Heilmann. Die Bayerische Cavallerie Division Preysing im Feldzuge von 1812 // Jahrbücher für die Deutsche Armee und Marine. 1875. Bd. 17; Minckwitz. Die Brigada Thielmann in dem Feldzuge 1812. Dresden, 1879.

^{lxii} Bleibtreu K. Der russische Feldzug. S. 62-63; *Idem*. Die Grosse Armee. S. 103; Osten-Säcken C. Op. cit. S. 127, 330-331.

^{lxiii} Ditfurth M. Die Schlacht bei Borodino am 7. September 1812. Marburg, 1887.

По-видимому, М. Дитфурт был родственником собирателя немецких народных песен барона Ф. В. Дитфурта, опубликовавшего в том числе немецкие песни о походе 1812 г. В собственных стихах Дитфурта народный фольклор был источником романтического осмысления действительности.

^{lxiv} Ibid. S. 5-12.

^{lxv} В те годы в Германии был издан и переиздан большой объем мемуарной литературы, так или иначе освещавшей участие немцев в Бородинском сражении: Lossberg F. W. Briefe des Westphälischen Staboffiziers F. W. von Lossberg vom russischen Feldzug des Jahres 1812. Berlin, 1910 (в 1911 г. вышло лейпцигское издание, а в 1919 — снова берлинское); Wachsmuth J. Geschichte meiner Kriegsgefangenschaft... Magdeburg, 1910; Württemberger im Russischen Feldzug 1812 // Württembergische Volksbücher. Stuttgart, 1911; Morgenstern F. Kriegserinnerungen aus Westfälischer Zeit. Wolfenbüttel, 1912; Behm W. Die Mecklenburger 1812. Hamburg, 1912; Furtenbach F., von. Krieg gegen Rußland und russische Gefangenschaft, Nürnberg; Leipzig, 1912 (русское издание: Из воспоминаний баварской службы обер-лейтенанта Фюртенбаха о походе в Россию в 1812 г. // Военно-исторический сборник. 1913. №1. С. 181—194); Hochberg W., von. La campagne de 1812. Mémoires du Margrave de Bade (le comte de Hochberg). P., 1912; Obst A. Die Hamburger 1812 im Russischen Feldzuge. Hamburg, 1912; Preysing-Moos M., von. Tagebuch. Munich, 1912; Roos H., von. Mit Napoleon in Rußland. Stuttgart, 1912; Rippell E. Kriegsgefangene im Herzen Rußlands. 1812-1814. Berlin, 1912; Schehl K. Mit der Grossen Armee 1812 von Krefeld nach Moskau. Dusseldorf, 1912; etc. Публиковались, хотя и в меньшем количестве, и собственно исторические работы: Gerdes A. Die Geschichte der Truppen Bergs und Westfalen 1812 in Rußland. Langendreer, 1914; etc.

^{lxvi} Мерум Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. 6-е изд. М., 1956. С. 273-327.

^{lxvii} Holzhausen P. Erinnerungen Heinrichs von Roos. Stuttgart, 1910; *Idem*. Die Deutschen in Rußland 1812. Leben und Leiden auf der Moskaner Heerfahrt. Berlin, 1912; *Idem*. Ein Verwandter Goethes im russischen Feldzuge, 1812. Berlin, 1912. Хольцхаузен был автором предисловия к сборнику воспоминаний участников войны 1812 г. (среди которых были немцы Роос, Брандт, В. Левенштерн и Е. Вюртембергский), вышедшего на русском языке в С.-Петербурге накануне юбилея великого события: «Записки современников

1812 года».

^{lxxviii} *Holzhausen P.* Die Deutschen in Rußland.. S. 103.

^{lxxix} *Ibid.* S. 105-106.

^{lxxx} См., например: *Ritter G.* Stein. Berlin, 1931. Bd. 1-2.

^{lxxxi} Одной из немногих книг по 1812 г., вышедших в те годы, были воспоминания Фердинанда Функа: *Funck F., von.* In Rußland und Sacheen 1812—1815. Dresden, 1930. На следующий год вышло английское издание мемуаров Функа, посвященное более раннему периоду: *Funck F.* In the Wake of Napoleon: Being the Mémoires (1807-1809) of Ferdinand von Funck... L., 1931.

^{lxxxii} Мы воспользовались 2-м русским изданием: *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1997. Т. 4. С. 320.

^{lxxxiii} *Blaschke R.* Carl v. Clausewitz. Berlin, 1934; *Botzenhart E.* Deutsche Revolution 1806-1813. Hamburg, 1940.

^{lxxxiv} *Lunsmann F.* Die Armee des Königsreichs Westfalen 1807-1813. Berlin, 1935; *Gerhardt O.* Die Württemberger in Rußland 1812. Stuttgart, 1937; *Blankenhorn E.* 1812. Badischen Truppen in Rußland. Karlsruhe, 1937.

^{lxxxv} *Блюментрит Г.* Московская битва // Роковые решения. М., 1958. С. 68.

^{lxxxvi} Там же. С. 73.

^{lxxxvii} Там же. С. 74-75.

^{lxxxviii} *Ланес Ф.* Значение прогрессивных традиций Отечественной войны 1812 г. и освободительной войны 1813 г. для антифашистского движения в Германии // Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 288.

^{lxxxix} *Блюментрит Г.* Указ. соч. С. 93.

^{lxxx} Там же. С. 99.

^{lxxxxi} *Гудериан Г.* Опыт войны с Россией // Итоги второй мировой войны. Сб. статей. М., 1957. С. 114-116.

^{lxxxii} *Блюментрит Г.* Указ. соч. С. 66, 109.

^{lxxxiii} См., например: *Абуш А.* Ложный путь одной нации. К пониманию германской истории. М., 1962; *Норден А.* Народ восстал и победил // Освободительная война 1813 г. против... С. 5-7; и др.

^{lxxxiv} Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии. М., 1964. С. XII-XIII.

^{lxxxv} *Deutsche Geschichte.* Berlin, 1967. Bd. 2. S. 111.

^{lxxxvi} *Borodino* // *Meyers neues Lexicon.* Leipzig, 1972. Bd. 2. S. 482.

^{lxxxvii} *Markov W., Helmen H.* Battles of World history. Leipzig, 1978.

^{lxxxviii} *Ritter G.* Geschichte des Bildungsmacht. Stuttgart, 1946; *Idem.* Staatskunst und Kriegshandwerk. München, 1954. Bd. 1; *Норден А.* Народ восстал и победил // Освободительная война 1813 года против... С. 22; *Бок Г.* Французская революция и немецкое освободительное движение в немецкой реакционной историографии // Там же. С. 385-389; *Петряев К. Д.* Мифы и действительность в «критическом пересмотре» прошлого. Очерки буржуазной историографии ФРГ. Киев, 1969; и др.

^{lxxxix} См., например: *Höhn R.* Scharnhorst's Vermächtnis. Bonn, 1952.

^{xc} См., например: *Пухт В.* Указ. соч. С. 38-54.

^{xci} *Kraft H.* Die Württemberger in den Napolionischen Kriegen. Stuttgart, 1953; *Schubert F.* Unter dem Doppeladler: Erinnerungen eines Deutschen im russischen Offizierdienst 1789-1814. Stuttgart, 1962; *Coiling E.* Die Schlacht bei Borodino // Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1962. № 12. S. 501-517; *Wesemann J. H. C.* Kanonier des Kaisers. Kriegstagenbuch der Heinrich Wesemann. Köln, 1971; *Lenschrer P.* Nur Wenige Kamen Zurück 3000 Bayern mit Napoleon im Rußland. Pfaffenhofen, 1980; *Kersten F., Ortenburg G.* Die Sachische Armee von 1763 bis 1862. Berlin, 1982.

---

^{xcii} *Pivka O., von.* Armies of 1812. Cambridge, 1977; *Idem.* Armies of the Napoleonic Era. N.Y., 1979; *Smith D.* Borodino. Moreton-in-March, Gloucestershire, 1998.